

«ТЕНЕВАЯ» ГРАНЬ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПЕРВЫХ ПОСЛЕВОЕННЫХ ЛЕТ: ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, УГОЛОВНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ

*Работа представлена кафедрой философии
Губкинского института (филиал) Московского государственного открытого университета.*

В статье анализируются реакции обычных граждан и властей на беспрецедентный рост преступности в 1945–1949 гг. На основании архивных источников автор реконструирует советскую повседневность первых послевоенных лет, в том числе специфические проявления различных видов преступлений. Рассматриваются особенности борьбы государства с криминалом в этот период.

Ключевые слова: *уголовная преступность, хищения государственной собственности, спекуляция, злоупотребления служебным положением.*

S. Bogdanov

CRIMINALITY IN THE LIFE OF SOVIET POSTWAR SOCIETY: REACTION OF THE UPPER AND LOWER CLASSES

The article is focused on the reactions of ordinary citizens and authorities to the unprecedented growth of criminality in 1945–1949. Basing on the archive sources, the author reconstructs the Soviet reality of the first postwar years as well as specific displays of different crime types. The peculiarities of struggle between the government and crime in this period are examined.

Key words: *criminality, embezzlement of state property, abroachment, abuse of power.*

Первые послевоенные годы обнажили весьма неприглядную грань советской действительности – значительный рост всех видов уголовной преступности. За первый послевоенный 1946 г. в СССР было зарегистрировано органами внутренних дел 1 014 274 преступлений. Это оказалось почти на 20%

больше, нежели в 1945 г. В 1947 г. этот показатель неуклонно возрастал – зарегистрированных преступлений оказалось уже 1 234 377. Прирост в сравнении с 1945 г. составил чуть более 46% [1].

Послевоенная уголовная преступность характеризовалась увеличением числа тяж-

ких преступлений. Если в 1944 г. в СССР было зарегистрировано 7131 убийство, в 1945 г. этих преступлений уже было 7 969, в 1946 г. – 10 218. Число разбойных нападений также впечатляло: в 1945 г. – 13 357, в 1946 г. – 29368 [2].

В Государственном архиве Российской Федерации, в делах Верховного Совета СССР имеются сведения об уголовной преступности и вынесенных приговорах в СССР за период с 1937 по 1956 г. Так, за 1940–1947 гг. число грабежей и разбойных нападений возросло на 236% [3].

Это был настоящий вызов уголовного мира стабильности советского общества и авторитету государства.

Криминализации послевоенного советского общества способствовали следующие факторы: массовое передвижение эвакуированных, демобилизованных, репатриантов и т. д.; амнистия некоторых категорий заключенных по отдельным уголовным статьям в связи с победой над Германией; наличие у населения большого количества огнестрельного оружия, оставшегося со времен войны, что способствовало появлению вооруженных преступных групп.

Американские специалисты по проблемам социологии преступности Д. Арчер и Р. Гартнер проанализировали статистические данные об уголовной преступности и убийствах по 110 странам в хронологический отрезок с 1900 г. По их мнению, существует ярко выраженная зависимость между войнами и стремительным ростом насильственной преступности. При этом данная тенденция прослеживается как среди стран-победителей, так и побежденных [4].

Очень наглядно это проявилось в первые послевоенные годы в СССР. За отсутствием официальной информации города вновь стали будоражить известия и слухи о дерзких ограблениях сберегательных касс, коммерческих магазинов, складов, нападениях на инкассаторов [5]. Это становилось приметой послевоенной жизни как крупных городов, так и советской глубинки.

Органы государственной безопасности страны постоянно держали «руку на пульсе»

страны. Для этих целей использовались различные источники, методы и приемы. Одним из эффективных способов получения информации о настроениях в обществе являлась перлюстрация почтовых отправлений. Затем на основании обработанной информации аппарат МГБ готовил итоговую информацию для высшего руководства ведомства и страны. Так, 28 ноября 1946 г. руководитель МГБ В. С. Абакумов направил доклад Л. П. Берии и его заместителю С. Н. Круглову. В документе отмечалось, что только за один месяц (с 16 октября по 15 ноября 1946 г.) из вскрытых писем жителей Ивановской, Курской, Московской, Орловской, Смоленской и Сумской областей было отобрано 1232 упоминания о случаях уголовного бандитизма на этих территориях [6].

Частная переписка, обращения граждан в газеты, жалобы в центральные и местные органы власти, донесения органов внутренних дел практически повсеместно свидетельствовали о нарастании в послевоенном советском обществе страха перед уголовной преступностью, уличной «шпаной». Эти «крики души», «несвоевременные мысли», откровения и тем более сухие сводки правоохранительных органов надолго были запрятаны за непроницаемыми стенами архивов. Власть рисовала как своим современникам, так и грядущим поколениям то видение событий, которая укладывалась в их схему исторической интерпретации послевоенной поры – времени созидания и триумфа победы. Однако эти годы были и периодом таявших надежд, голода и лишений, жаждой социальной справедливости.

Попытаемся на основании различных источников воссоздать максимально насыщенную картину, характеризующую восприятие обычными советскими гражданами такой «теневой» грани повседневной действительности, как уголовная преступность.

Доведенные до отчаяния собственным страхом перед обнаглевшей уголовной преступностью, группа саратовских рабочих осенью 1945 г. направила в «Правду» довольно красноречивое письмо: «...с началом осени Саратов буквально терроризируют вори и убийцы. Раздевают на улицах, срывают

часы с рук – и это происходит каждый день... Жизнь в городе просто прекращается с наступлением темноты. Жители приучились ходить только по середине улицы, а не по тротуарам, и подозрительно смотрят на каждого, кто к ним приближается» [7].

Еще одно красноречивое свидетельство атмосферы первых послевоенных месяцев 1945 г. – неопубликованное письмо в газету «Правда» рабочих Подольска: «Обнаглевшие бандиты и воры нападают на мирных граждан... не только вечером, но убивают, раздевают и грабят среди бела дня – и не только в темных переулках, но и на главных улицах... даже около горкома и горсовета. После работы люди собираются группами, чтобы не страшно было идти домой. Собрания после работы плохо посещаются, так как рабочие боятся оставаться, боятся нападения на пути домой. Но и дома они не чувствуют себя спокойно, потому что грабежи происходят и днем и ночью» [8].

Письма, датируемые осенью 1946 г., отправленные адресатами из Подмосковья, свидетельствуют об «ужасах» советской провинции. «Стало ужасно жить в Загорске. Вечерами часто происходят грабежи и убийства. Вчера вечером Александр Александрович получил 8000 рублей от завода за строительство. Они разрезали его на части. Его голова была полностью отделена от тела и заброшена в рощу. Три дня назад Ритка с подружкой возвращалась из института полвосьмого вечера. У нее отняли кошелек, а подружку утащили на горку и раздели. Стало просто страшно ходить по вечерам» [9].

Еще одно довольно примечательное свидетельство из Иваново: «Так много грабежей и убийств... Так страшно. Я прожила 61 год и никогда не было такого безобразия» [10].

Хулиганство, разбойные нападения и бандитизм проявились повсеместно на всей территории послевоенного СССР. Однако около одной трети всех фактов бандитизма были выявлены в 20 центральных областях РСФСР. При этом значительная часть этого вида преступлений совершалась в Москве или в Подмосковье.

Генерал П. Судоплатов впоследствии в своих воспоминаниях о том времени писал: «Города и поселки буквально наводнились шпаной и хулиганьем, обстановка стала опасной и напряженной... Войска МВД были брошены на патрулирование Москвы и массовые обыски чердаков и подвалов» [11, с. 547].

Весьма тревожной тенденцией послевоенной преступности являлось втягивание в ее ряды молодежи от 16 до 21 года и подростков. При этом около 68% попадавших на скамью подсудимых молодых людей ранее не привлекались к уголовной ответственности. Среди привлеченных к уголовной ответственности в 1946 г. несовершеннолетние составили 43%. Этой возрастной категорией, по сообщениям органов внутренних дел, совершались преимущественно кражи, грабежи, хулиганские действия, реже убийства [12].

Только за первые два весенних месяца 1949 г. в городах СССР было зарегистрировано 399 преступлений, которые были совершены лицами без определенных занятий и места жительства [13]. В настоящее время уже невозможно сказать, сколько из них совершили преступления из острой нужды, а сколько преступлений приходилось на долю профессионального криминалитета.

Неспособность правоохранительных органов «навести порядок» в борьбе с «распоясавшейся уголовщиной» во многих местах вызывала недовольство не только их работой, но и подчас деятельностью государственного аппарата, местных партийных органов.

Вот наиболее типичные выдержки из обращений граждан в печатные издания, государственные и партийные органы.

В конце 1945 г. житель Архангельска отправил письмо в газету «Правда», в котором он писал, что советское государство «должно принять срочные и решительные меры борьбе с бандитизмом. Мы хотим, чтобы наши города восстали из пепла и стали оживленными, шумными, веселыми» [14].

В одном из писем, вскрытых для перлюстрации в 1946 г., житель Московской области пишет своему сыну, что «давно пора ми-

лиции делать то, что ей положено: защищать граждан».

В письмах советских граждан, направленных руководителям партии и правительства в первые послевоенные годы, продолжает сохраняться недовольство существующей уголовной преступностью, фактами хищений государственной собственности, спекуляцией. Так, в письме Я. П. Анненкова на имя И. В. Сталина (март 1947 г.) задаются риторические вопросы: «Почему Правительство не вынесет закона о более суровом наказании лиц, занимающихся квартирными кражами и грабежами, спекуляцией? Почему на глазах у милиции воры и хулиганы, нигде не работающие, пьянствуют, а милиция не находит воров?» [15].

Недовольство слабой, по мнению рабочих промышленных предприятий, работой правоохранительных органов в борьбе со спекуляцией фиксируется в многочисленных сводках партийных организаций страны. Например, в информации Новосибирского обкома ВКП (б) от 29 мая 1948 г. «О политических настроениях населения Новосибирской области» отмечалось, что поступает много жалоб, а также нередки факты справедливого возмущения со стороны трудящихся за слабую борьбу милиции и органов суда и прокуратуры со спекуляцией. Также отмечалось, что на рынке можно купить все необходимые продукты и промтовары в три раза дороже, чем по государственным ценам. Во многих первичных партийных организациях рабочие и служащие задают вопрос – почему не судят показательным судом, с широким освещением решения суда в печати на рабочих собраниях [16].

В 1949 г. причины слабой борьбы органов внутренних дел со спекуляцией в качестве вопросов задавались советскими гражданами докладчикам и агитаторам партийных организаций в различных регионах страны [17].

Для значительного числа советских граждан наиболее приемлемым и эффективным способом борьбы с преступностью являлось ужесточение санкций.

Огромные испытания, тяготы, горечь потерь в годы войны сплотили советское общест-

во. Конечно, это не означало того, что недовольство вопиющими фактами социальной несправедливости отдельных чиновников, работников торговли, общественного питания не прорывалось наружу. Многие факты находили свое отражение в письмах, обращениях, жалобах, доносах. Более того, по целому ряду вскрываемых обстоятельств правоохранительные органы действительно выявляли случаи хищений, всевозможных махинаций с товарно-материальными ценностями.

«Крики души» простого советского обывателя порой выливались на страницы их обращений к высшим руководителям партии и государства. Приведем несколько фактов, которые гражданин Баламутов адресовал И. В. Сталину в письме от 15 августа 1946 г. «Да, я был лучшего мнения о добрых началах в людях, когда считал, что для каждого коммуниста высшим принципом морали является благо народа. Теперь я знаю, как много еще человеческого дерьма, людей, лишенных идей и сердца, благоденствует, возвышается, обогащается, используя отвратительные приемы блата, подхалимства, зажима, круговой поруки, мародерства, лихоимства и форменного грабежа. Людей, живущих на основе «двойной бухгалтерии», выступающих перед партией всегда в парадном костюме народного деятеля, но строящими всю свою работу, прежде всего, под углом личного благополучия».

И далее автор с болью говорит о том, что война не только сплотила народ, но и подняла на поверхность всю «гниль», всех примазавшихся к партии «в шкурнических целях». «Я говорю о тех мародерах, которые приютились на разного рода снабженческих, хозяйственных, советских органах, свили там целые гнезда, выработали систему для личного обогащения, обворовывали народ, пользуясь служебным положением и зачастую прикрывались партбилетом» [18].

Представленные в письме факты оказались столь вопиющими, что оно было передано для дальнейшей проверки министру государственного контроля Л. З. Мехлису.

Чувство ущемленной социальной справедливости часто вырывалось наружу, в том числе и в таких посланиях. «Вы говорите, что

мы построили социализм и, значит, живем: «работаем по способности и получаем по труду». Хорошо. Но неужели у нас в СССР люди имеют между собой такой резкий контраст: одни очень способны, а другие никуда не годятся? Они эти очень способные живут в довольстве, для них все: и персональные машины, и дачи, и большие деньги, и отдых на курорте. А люди, «никуда не годящиеся» (их большинство), некоторые из них не могут сами себя прокормить, как бы они ни работали» [19].

Действительно, статистические показатели убедительно свидетельствуют, что конца 1920-х гг. и до середины 1950-х гг. прирост средней заработной платы и прирост фонда зарплаты неуклонно снижались [20].

Много негативных явлений проявилось в ходе реализации денежной реформы 1947 г.

Подготовка и проведение денежной реформы высветило тот непреложный факт, что на руках отдельных дельцов «теневое» рынка сосредоточились значительные денежные средства. Безусловно, в условиях тотальных запретов на массовую частнопредпринимательскую деятельность, огромнейших лишений военного лихолетья скопить честным путем большие капиталы вряд ли было возможно. Не случайно, по мере приближения даты обмена денег усиливался ажиотаж среди владельцев значительных наличных сумм, которые, как видно из документов, по крайней мере, в крупных городах страны, заблаговременно располагали информацией о грядущем обмене денег.

Министр финансов СССР А. Г. Зверев в докладной записке на имя И. В. Сталина также сообщал, что сдающие деньги в сберкассы с начала декабря 1947 г. являются владельцами крупных накоплений [21].

В ходе проведения денежной реформы было выявлено большое количество злоупотреблений служебным положением в корыстных целях различных государственных служащих, партийных работников городского и районного уровней, работников сберегательных касс. Население порой очень остро реагировало на эти факты.

В письмах граждан в Минфин СССР сообщалось, что после 16 декабря 1947 г., когда большинство населения потеряло остатки своей ноябрьской зарплаты, владельцы крупных сумм денег скупали в магазинах все самое лучшее и дефицитное для дальнейшей перепродажи этих товаров по повышенным ценам. Неудивительно, что у многих людей, «живущих на одну зарплату», сложилось впечатление, что денежная реформа проводится в интересах толстосумов «черного» рынка, взяточников из государственных учреждений.

Так, в письме семьи Ивановых утверждалось, что указ о денежной реформе направлен против основной массы населения, потерявшей в ходе реформы свои «грошовые» сбережения, и оказывает могущественную поддержку барышникам, которые воровством и вымогательством выкачивают десятки тысяч рублей из трудового народа и государства [22].

Примечательно в этом плане письмо гражданина И. Жеребцова, перенаправленное из ЦК ВКП (б) в Группу денежного обращения Министерства финансов СССР. Протицируем начало этого документа дословно: «За период Отечественной войны в результате материальных и других трудностей распространились внутри страны злодеяния, которые наносят огромный ущерб нашему народному хозяйству. Имеются в виду: блат, взятки, спекуляция, хищение или присвоение государственной собственности, злоупотребление занимаемым положением, вымогательство, рвачество и т. д. и т. п. Кроме того, имеются и такие лица, которые нажились за счет войны – воспользовались эвакуацией, оккупацией, разрушением, трофейным или бросовым имуществом, в результате чего приобрели десятки и сотни тысяч рублей. Все это является уголовным преступлением, но, к сожалению, остается безнаказанным. Эти лица не нуждаются работой и зарплатой, если они где-либо и пристроились на работе, то исключительно для личных выгод. Для них пока остаются открытые двери ко всему – и к источникам легкой наживы, и к источникам их материального снабжения – к их услугам рынки, магазины, рестораны и т. д.» [23].

Необходимо отметить, что власть чутко реагировала на «сигналы с мест». Полученная высшими партийными, государственными органами информация тщательно обрабатывалась и затем направлялась в соответствующие компетентные инстанции. Сообщения о всевозможных злоупотреблениях направлялись в правоохранительные органы. При этом о последующих принимаемых мерах по изложенным фактам непосредственные исполнители отчитывались по инстанциям. Таким образом, ни одно из обращений во властные структуры не оставалось незамеченным. Это в полной мере проявилось и в реакции высшего партийно-государственного руководства страны на необычайно обострившиеся проблемы преступности. В то же время прагматизм принимаемых решений по линии правоохранительных органов, законодательного регулирования продолжал соседствовать с идеологической риторикой.

Официальная пропаганда в анализе причин сохранения преступности в СССР по-прежнему придерживались старой мифологии – «наследия прошлого». Приведем наиболее типичное объяснение этому негативному явлению в жизни советского общества. Вот что было опубликовано в одном из номеров журнала «Пропаганда и агитация» за 1947 г.: «В нашей стране паразитический образ жизни нетерпим, является преступлением. Отдельные паразитические элементы в нашем обществе – это носители гнусных привычек и пережитков капитализма, чуждых нашему обществу, глубоко противоречащих морали советского человека и правилам социалистического общежития. Именно такие пережитки капитализма в сознании людей, как эгоистическое стремление жить за счет других, отлынивание от честного труда, стремление к легкой наживе, моральная нечистоплотность к своему общественному долгу, пренебрежение общественными, государственными интересами ради своих корыстных личных интересов и так далее, порождают такие преступления, как кража, расхищение социалистической собственности, спекуляция, растрата государственных и

общественных средств, подлоги, взяточничество, мошенничество» [24, с. 39].

Безусловно, официальная пропаганда в совокупности с жесткими репрессивными санкциями делали свое дело. Формировалась особая атмосфера неприятия проявлений стяжательства, мешанства, рвачества. На уровне массовой психологии отчетливо прослеживалось крайне негативное отношение к богатству. И тем не менее послевоенное советское общество постепенно расслаивалось, становилось все более дифференцированным и разобщенным. Это не могло не закладывать объективные основания для воспроизводства преступности в недрах советского социума.

Первые послевоенные годы характеризовались всплеском как общеуголовной, так и корыстной хозяйственной преступности. Значительно увеличилось количество совершенных хищений (на 16% в 1946 г. по сравнению с 1945 г.) [25], а также случаев спекуляции (на 40,4% в 1946 г. по сравнению с 1945 г.) [26].

Как это уже стало традицией для идеологической машины советского государства объяснение причин оживления корыстной преступности шло по традиционной схеме. В газете «Правда» от 17 сентября 1945 г. отмечалось: «... в отдельных неустойчивых людях пробудились низменные чувства, стремление к наживе, к личному обогащению за счет чужого труда. Такие люди, пренебрегая общественными интересами и своим гражданским долгом, не занимаясь общественно-полезной деятельностью, становились на путь преступлений, нанося моральный и материальный ущерб государству и народу» [27].

Спекуляция стала характерной чертой повседневной жизни советских городов в первые послевоенные годы. Милицейские сводки с мест фиксировали постоянный рост этого вида преступлений. Так, например, если в третьем квартале 1946 г. правоохранительными органами Ленинграда и Ленинградской области было возбуждено 100 дел по данному составу, то в четвертом квартале таких дел уже было 236, в первом полугодии 1947 г. этот показатель уже составил 480 уголовных дел [28].

Объективными причинами для повсеместного разрастания спекулятивных сделок являлась существенная разница между ценами на товары в государственной торговле и на колхозных рынках. Не случайно количество зарегистрированных преступлений по обвинению в спекуляции в 1947 г. составило 4,3% от всех зарегистрированных органами милиции преступлений. Всего же за период с 1945 по 1948 г. число преступлений, связанных со спекуляцией, возросло на 59,3% [29].

Спекуляция дезорганизовывала снабжение населения продовольственными и промышленными товарами, а также порождала другие более опасные виды преступлений. Население, пострадавшее во время тяжелейших военных лишений, остро реагировало на вновь оживившуюся спекуляцию, хищения государственного и общественного имущества. По мнению известного советского правоведа А. А. Пионтковского, послевоенная разруха порождала множество соблазнов для должностных хищений [30, с. 93].

Карточная система и запрещение хлебной торговли создавали благоприятные условия для обогащения расхитителей и «теневиков». В то время как в колхозах учитывался каждый килограмм зерна, на черный рынок оно текло рекой. Крупные поставки товара для спекулятивной торговли обеспечивались за счет разворовывания государственного и колхозного зерна. Так, во время голода 1946–1947 гг. на ниве государственной собственности укреплялась инфраструктура и обогащались дельцы «теневого» рынка.

В стихийную торговлю, многочисленные спекулятивные сделки были вовлечены самые разнообразные слои населения. В справке прокурора группы по делам несовершеннолетних при Генеральном прокуроре СССР младшего советника юстиции Преображенской о состоянии детской безнадзорности и борьбе с нею в городе Москве отмечалось следующее. Всего во втором полугодии 1945 г. правоохранительными органами в столице за торговлю было задержано 9146 несовершеннолетних, что составило чуть более одной трети от всех задержанных за различные правонарушения детей [31].

Таким образом, целенаправленные меры государственных и правоохранительных органов привели к тому, что уже к 1948 г. уровень преступности в стране снизился достаточно ощутимо – на 34,7% [32].

Первые послевоенные годы характеризовались масштабным ростом уголовной преступности. Это не могло тревожить как «низы», так и «верхи» советского общества. Широкие слои населения, как это уже стало традицией для советской идеологической машины, вынуждены были довольствоваться либо скудными сообщениями об отдельных успехах правоохранительных органов на этом фронте, либо в лучшем случае слухами. Неспособность властей справиться с преступностью не содействовала росту авторитета партийных и государственных органов на местах. Недовольство представителей различных слоев населения прорывалось в обращениях, письмах, просьбах, заявлениях, требованиях, жалобах, отражалось в секретных докладах партийных и правоохранительных органов о настроениях в послевоенном советском обществе.

В условиях вновь разгоравшейся войны теперь уже с уголовной преступностью государство и правоохранительные органы вновь пошли на ужесточение законодательства в отношении отдельных видов преступлений, активизацию оперативной работы по предотвращению преступлений. После Великой Отечественной войны Советское правительство еще более усиливает репрессивную тенденцию законодательства в отношении как общеуголовной преступности в целом, так и экономических преступлений в частности.

Итак, однозначно можно утверждать, что советской государственной машине удалось в очень сжатые сроки подавить самые опасные виды преступлений против личности, против государственной собственности. Но это вовсе не означало, что в борьбе с уголовной преступностью была достигнута полная и окончательная победа. Последующие события весны-лета 1953 г. вновь заставят советского обывателя ощутить страх перед расплывавшейся по всей стране уголовной преступностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 497. Л. 344–347.
2. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 497. Л. 347.
3. ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 4408. Л. 2-3.
4. *Archer D., Gartner R.* Violence and Crime in Cross-National Perspective. New Haven: Conn.: Yale University Press, 1984. 342 p.
5. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 1169–185.
6. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 152. Л. 546–552.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 122. Д. 118. Л. 92-93.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 118. Л. 93.
9. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 152. Л. 546–552.
10. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 152. Л. 546–552.
11. *Судоплатов П. А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль, 1930–50-е годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997. 700 с.
12. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 234. Л. 20–50.
13. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 235. Л. 349–355.
14. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 118. Л. 96.
15. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 872. Л. 93 об.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 306. Л. 25–27.
17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 114. Л. 63–65.
18. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 893. Л. 19–20.
19. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 80. Д. 3188. Л. 41.
20. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 91. Л. 72.
21. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 36. Д. 2277. Л. 258.
22. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 32. Д. 328. Л. 99–101.
23. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 31. Д. 211. Л. 17.
24. Пропаганда и агитация. 1947. № 21. С. 39.
25. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 497. Л. 344–347.
26. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 497. Л. 344–347.
27. Правда. 1945. 17 сентября.
28. ОСФ ИЦ ГУВД СПб и ЛО. Д. 16. Л. 1; Д. 17. Л. 13; Д. 18. Л. 2; Д. 19. Л. 2.
29. ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 98.
30. *Пионтковский А. А.* К вопросу о причинах преступности в СССР и мерах борьбы с нею // Советское государство и право. М., 1959. № 3. С. 89–98.
31. ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 2322. Л. 17–25.
32. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 234. Л. 20–50.

SPISOK LITERATURY

1. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF). F. R-9401. Op. 2. D. 497. L. 344–347.
2. GA RF. F. R-9401. Op. 2. D. 497. L. 347.
3. GA RF. F. R-7523. Op. 89. D. 4408. L. 2–3.
4. Sm.: *Archer D., Gartner R.* Violence and Crime in Cross-National Perspective. New Haven: Conn.: Yale University Press, 1984. 342 p.
5. GA RF. F. R-9401. Op. 2. D. 199. L. 1169–185.
6. GA RF. F. R-9401. Op. 2. D. 152. L. 546–552.
7. Rossiysky gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI). F. 17. Op. 122. D. 118. L. 92–93.
8. RGASPI. F. 17. Op. 122. D. 118. L. 93.
9. GA RF. F. R-9401. Op. 2. D. 152. L. 546–552.
10. GA RF. F. R-9401. Op. 2. D. 152. L. 546–552.

11. *Sudoplatov P. A.* Spetsoperatsii. Lubyanka i Kremli', 1930–50-e gody. M.: OLMA-PRESS, 1997. 700 s.
12. GA RF. F. R-9401. Op. 2. D. 234. L. 20–50.
13. GA RF. F. R-9401. Op. 2. D. 235. L. 349–355.
14. RGASPI. F. 17. Op. 122. D. 118. L. 96.
15. RGASPI. F. 558. Op. 11. D. 872. L. 93 ob.
16. RGASPI. F. 17. Op. 122. D. 306. L. 25–27.
17. RGASPI. F. 17. Op. 132. D. 114. L. 63–65.
18. RGASPI. F. 558. Op. 11. D. 893. L. 19–20.
19. GA RF. F. 5446. Op. 80. D. 3188. L. 41.
20. RGASPI. F. 82. Op. 2. D. 91. L. 72.
21. RGAE. F. 7733. Op. 36. D. 2277. L. 258.
22. RGAE. F. 7733. Op. 32. D. 328. L. 99–101.
23. RGAE. F. 7733. Op. 31. D. 211. L. 17. (Sokhranena orfografiya originala).
24. Propaganda i agitatsiya. 1947. N 21. S. 39.
25. GA RF. F. R-9401. Op. 2. D. 497. L. 344–347.
26. GA RF. F. R-9401. Op. 2. D. 497. L. 344–347.
27. Pravda. 1945. 17 sentyabrya.
28. OSF ITs GUV D SPb i LO. D. 16. L. 1; D. 17. L. 13; D. 18. L. 2; D. 19. L. 2.
29. Sm.: GA RF. F. R-9415. Op. 5. D. 98.
30. Sm.: *Piontkovskiy A. A.* K voprosu o prichinakh prestupnosti v SSSR i merakh bor'by s neyu // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. M., 1959. N 3. S. 89–98.
31. GA RF. F. 8131. Op. 37. D. 2322. L. 17–25.
32. GA RF. F. R-9401. Op. 2. D. 234. L. 20–50.